А.Б. Агафонова
Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия
unerkannt@bk.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА 1870-1917 гг. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ПРАКТИК

A.B. Agafonova
Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

ENVIRONMENTAL HISTORY OF PROVINCIAL CITIES OF RUSSIA IN 1870-1917 THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF PRACTICE

ABSTRACT: The article focuses on research of using the theory of practices in urban environmental history. Author analyzes how did traditional rural practices of nature management influence urban environment in Russian province in the late of the 19th - the early of the 20th centuries. Case-study of cities of Vologda and Novgorod governorates made it possible to establish that from the theory of practices' stand point the urban environmental history of Russian province was the history of urban pollution. It is explained by preservation of peasant mentality in Russian provincial towns. First of all, it is related to the intention of urban dwellers to accumulate a household waste for fertilizing of fields or getting profit. That is why the theory allows us to understand citisens' actions, who polluted urban environment. Moreover, it answers the question "why some territories had been more polluted, than others?" However, the theory of practices doesn't explain problems of urban beautification, formation of sanitary inspection, and other conscious action of society that impact to the environment in cities. Accordingly, the author concludes that the theory of practices highlights only a few aspects of urban environmental history, but does not provide a complete picture of changes of sanitary conditions of the city environment.

Город с конца 1970-х гг. является одним из важных объектов изучения экологической истории. Теоретико-методологические основы данного направления исследований, заложенные М. Милоси [1993; 1979], Дж. Тарром [2002, p. 511-545], У. Крононом [1991], С.П. Хэйзом [1998] и др., базируются на системном подходе и концепции городского метаболизма, которые позволяют увидеть город как целостную систему, действующую определенным образом. Однако при таком подходе деятельность социума отходит на второй план. В отличие от концепции городского метаболизма, теория практик обращается к обществу, которое постигает окружающий мир посредством привычного способа действия [Волков, Хархордин, 2008, с. 22]. Стремясь найти компромисс между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии, теоретики прагматической парадигмы сфокусировались на изучении нерефлексивных действий социума [Волков, Хархордин, 2008, с. 11-17]. Соответственно, реконструкция экологической истории города в рамках теории практик позволяет сфокусироваться на изучении повседневных традиционных взаимодействий горожан с окружающей средой и установить, каким образом граждане использовали и создавали городское пространство [Серто, 2013, с. 189-196].

Важное место в теории практик уделяется фоновым практикам, т.е. тому деятельностному контексту, в котором интерпретируется поведение горожан [Волков, Хархордин, 2008, с. 18]. Поэтому, изучение практик природопользования необходимо рассматривать в контексте социально-экономического развития российских городов в последней трети XIX — начале XX вв. В качестве объекта анализа в данной работе выступают города Вологодской и Новгородской губерний.

Согласно классификации В.П. Семенова-Тян-Шанского, по численности населения исследуемые города принадлежали к трем категориям: средние, малые и городки. В категорию средних городов, численность населения в которых составляла 10–40 тыс. человек, входили Вологда, Новгород, Великий Устюг и Старая Русса. К малым городам с численностью населения 5–10 тыс. человек относились Череповец, Тихвин, Устюжна, Тотьма, Белозерск и Усть-Сысольск. Третью категорию, куда входили остальные 8 городов Вологодской и 5 городов Новгородской губерний, составляли городки, численность населения в которых не превышала 5 тыс. человек [Семенов-Тян-Шанский, 1910, с. 73, 80–84].

В сословной структуре населения этих городов преобладали крестьяне. В городах Вологодской губернии их численность доходила до 57,61 %, а в Новгородской — до 53,35 % [Первая всеобщая, 1905, с. 4–7, 10–11]. При этом доля горожан, занятых в таких «не городских» работах как земледелие, животноводство, рыболовство, лесные промыслы, пчеловодство и пр., составляла 12,51 % в Вологодской губернии и 6,93 % — в Новгородской [Первая всеобщая, 1904, с. 126–131; Первая всеобщая, 1903, с. 144–151], тогда как среднероссийский показатель находился на уровне 9,36 % [Первая всеобщая, 1905, с. 4, 6, 10]. Значительная доля крестьян среди городских сословий, занятость горожан в сельскохозяйственных работах, а также история возникновения большинства городов (на месте бывших сельских и церковных поселений) указывают на сохранение в них хозяйственного уклада, характерного для сел и деревень.

Сохранение крестьянского менталитета обусловливало практики природопользования, в том числе и практики обращения с отходами. Горожане вслед за крестьянами, которые по традиции размещали в хлевах навоз от скота, кухонные нечистоты и экскременты и лишь в весенне-зимний период вывозили их на поля [РГИА, ф. 1297, оп. 289, д. 62, л. 152 об.; Попов, 1909, с. 34], не спешили избавляться от бытовых отходов. Последние скапливались в помойных и выгребных ямах, располагавшихся на территории домовладений, или прямо во дворах, в случае отсутствия у домовладельцев собственных ретирад [ГАНО, ф. 104, оп. 5, д. 42, л. 120–122; Орнатский, 1888, с. 50]. Ямы очищались с периодичностью один-три раза в год, а их содержимое погружалось в бочки и транспортировалось крестьянами и колонистами на поля в качестве удобрений [РГИА, ф. 1297, оп. 289, д. 62, л. 151 об., 157 об.; Орнатский, 1888, с. 51]. Поскольку навоз являлся основным удобрением и находился в постоянном дефиците у сельского населения, содержимое отхожих мест воспринималось как ценный ресурс для восстановления плодородия почвы, а потому ценилось выше санитарного благополучия мест проживания. В накоплении нечистот преуспевали не только домовладельцы, но и содержатели постоялых дворов, которые превращали свои участки в свалочные места, где навоз копился на продажу [Тетеро, 1910, с. 6]. Между тем, стремление к накоплению такого рода ресурсов для сельского хозяйства не осталось без внимания санитарных врачей, которые считали данный образ действий населения небезопасным для общественного здоровья. Как указывал В.В. Святловский, стоило только пойти дождю или подняться сильному ветру, и собственность владельца переполненной выгребной или помойной ямы становилась, хотя и непривлекательным, но общественным достоянием, а сам владелец, очевидно, копил «*у себя на дворе свои экскременты в надежде при случае облагодетельствовать ими своего ближнего*» [1891, с. 71].

Обращение к оценкам санитарных врачей в данном контексте неслучайно — именно через их отчеты и исследования можно проследить за повседневными рутинными практиками взаимодействия горожан с окружающей средой. В своих отчетах врачи из года в год фиксировали одни и те же действия горожан, приводившие к загрязнению почв и водоемов. Они обращали внимание на дворы, заваленные нечистотами, на свалки по берегам рек, на некачественную работу ассенизаторов, выливавших содержимое своих бочек вдоль дорог и пр. Притом, врачи считали, что нельзя было винить самих обывателей в загрязнении городских территорий, поскольку многие из них,

в т.ч. и люди, дорожившие своим здоровьем, не понимали взаимосвязи между заболеваемостью населения и загрязнением городской среды [Орнатский, 1888, с. 51].

Таким образом, в контексте теории практик экологическая история провинциальных российских городов исследуемого периода представляется историей планомерного загрязнения городской среды. С одной стороны, теория практик позволяет исследователю понять действия городских обывателей, которые вопреки требованиям закона и врачей продолжали следовать традиционным, складывавшимися веками, способам хозяйствования, загрязняя городские почвы и водоемы. Также она объясняет «производство городского пространства» [Серто, 2013, с. 189], отвечая на вопрос «почему одни территории того или иного города подвергались большему загрязнению чем другие?» и даже позволяет создавать карты экологически неблагополучных районов города. Но с другой стороны, данная теория дает односторонний и плоский взгляд на взаимодействия общества и природы, упуская, в частности, вопросы, связанные с городским благоустройством, развитием санитарного надзора, т.е. осмысленным взаимодействиям социума с окружающей средой — с действиями, которые еще не успели в исследуемый период стать фоновыми практиками.

Список литературы

1. ГАНО. Ф. 104. Оп. 5. Д. 42.
2. РГИА. Ф. 1297. Оп. 289. Д. 62.
3. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2008. 298 с.
4. Орнатский В.И. Медикотопотрафия. Санитарное состояние губернского города Вологды: дис. д. медицины. СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1888 г. 163 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 2. СПб.: Издание Центрального стат. комитета Мин-ва внутренних дел, 1904. 208 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XXVI. Новгородская губерния. Тетрадь 2. СПб.: Издание Центрального стат. комитета Мин-ва внутренних дел, 1903. 247 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Вып. 8. СПб.: Издание Центрального стат. комитета Мин-ва внутренних дел, 1905. 21 с.
8. Попов Е.П. Западная часть Сычевской волости Вологодского уезда // Отчеты о деятельности санитарно-эпидемического персонала Вологодского губернского земства за 1907 г. Вып. 3. Вологда: Тип. Знаменского и Цветкова, 1909. С. 18-64.
9. Святловский В.В. Фабричная гигиена. СПб.: Типо-хромолитогр. Т-ва А. Траншель, 1891. 720 с.
10. Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня Европейской России. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.
11. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2013. 330 с.
12. Тетеро А. Отчет санитарного врача г. Вологды А. Тетеро за 1907 г. // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Январь 1910 г. Вып. I. Вологда, 1910. С. 4-22.
13. Cronon W. Nature’s metropolis: Chicago and the Great West. NY, London: W.W. Norton & Company, 1991. 530 p.
14. Hayes S.P. Explorations in environmental history. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1998. 480 p.
15. Melosi M.V. Urban pollution: historical perspective needed // Environmental review. 1979. Vol. 3. No. 3. P. 37-45.
16. Melosi M.V. The place of the city in environmental history // Environmental history review, 1993. Vol. 17. No. 1. P. 1-23.
17. Tarr J.A. The metabolism of the industrial city: the case of Pittsburgh // Journal of urban history. 2002. Vol. 28. No. 5. P. 511-545.